

АРКТИЧЕСКИЙ
КРИМИНАЛЬНЫЙ РОМАН

Monica Kristensen

OPERASJON
FRITHAM

FORLAGET PRESS

Моника Кристенсен

УБИЙЦА
ИЗ ПРОШЛОГО

Paulsen
2017

УДК 821.113.5
ББК 84.4(Норв)
К825

Перевод с норвежского *Светлана Высоцкая*

Перевод с норвежского осуществлён при
финансовой поддержке фонда NORLA
This translation has been published
with financial support of NORLA

Кристенсен М.

К825 Убийца из прошлого: пер. с норв. Светланы Высоцкой. – М.: Паулсен, 2017. – 400 с.
ISBN 978-5-98797-184-0

Захватывающий, почти документальный отчёт о страшных событиях, происходивших на Шпицбергене во время войны, производит сильное впечатление.

История начинается в 1941 году, во время немецкой оккупации Норвегии. На самой северной её окраине, в глухом и малонаселённом Сёр-Варангере, за считанные месяцы концентрируются колоссальные военные силы – сотни тысяч немецких и австрийских солдат. Обстановка благоприятствует авантюристам, преступникам, предателям и шпионам всех мастей. Но один честный полицейский ведёт отчаянную и безнадежную борьбу с хаосом, по мере сил защищая справедливый порядок. В это трудное время ему приходится идти по следу хладнокровного и безжалостного убийцы, которого он так и не сумеет поймать. Преступник ускользнет на архипелаг Шпицберген. Спустя полвека ветераны войны в Арктике соберутся, чтобы вспомнить свою боевую молодость. Всё указывает на то, что жестокий убийца из прошлого всё это время скрывался и сейчас оказался на встрече боевых товарищей.

Собранные много лет назад материалы попадают в руки шпицбергенского полицейского Кнута Фьеля. Удастся ли Фьелю вычислить и разоблачить убийцу?

ISBN 978-5-98797-184-0 (рус.)
ISBN 978-82-7547-795-6 (норв.)

© Паулсен, 2017
© Monica Kristensen and Forlaget Press,
Oslo 2008
Published by agreement with Copenhagen
Literary Agency ApS, Copenhagen

Икона из России

На небольшом холме лежали двое и следили за церковью. Был ранний вечер, но луна уже заливала бледным светом пустынный заснеженный пейзаж, населённый тенями. Из снега местами торчали чёрные голые ветви низкорослых деревьев, забравшихся так далеко на север и скорчившихся от нехватки света и питания.

Церковью был простой бревенчатый сруб с узкими щелями-окнами по обеим сторонам двери. Церковь казалась старинной, да такой она на самом деле и была. На крыше располагалась труба, сложенная из нетёсаного камня, а на коньке с краю был прибит высокий крест, грубо вырубленный из дерева. Из трубы шёл дым. Прошло не меньше часа с тех пор, как от едва видимой дороги к церкви подошли двое – высокий мужчина с мешком за плечами и маленький мальчик. Вдалеке виднелся припаркованный автомобиль.

Изношенная и грязная военная форма не спасала тех, кто лежал на холме, от холода. Они пред-

ставляли себе, каково было бы сейчас сидеть там, в деревянном домике, в тёплой комнате, имея тёплую еду и питьё. Но дать о себе знать они не отваживались. Время ещё не пришло. Им можно будет спуститься, когда совсем стемнеет и они убедятся, что больше никто не придёт.

Было самое начало марта, 1941 год. На другой стороне границы, на много миль к югу от промёрзшей русской тундры, через несколько недель разразится великая битва. Погибших будет столько, что трупы останутся лежать на поле боя, меж стволов деревьев в редком еловом лесу, у сожжённых домов и разрушенных церквей. Друзья вскоре станут врагами и перестанут видеть друг в друге людей. Солдаты обеих сторон забудут, ради чего воюют. У них будет одна цель – дожить до следующего дня, и победителей в этой войне не будет.

А ещё дальше на юг уже чертили планы и готовились возводить целые кварталы бараков, домов и бетонных бункеров, которые позже назовут Аушвиц, Заксенхаузен, Дахау и Майданек. На севере же русская военная машина вынесет невыносимое, встретит все направленные на неё удары – и ответит с такой же жестокостью.

Но два человека на холме ничего об этом не знали. Они были дезертирами, хотя сами себя так не называли. В конце концов, они были норвежцы, уроженцы Йёвика. Они сбежали из немецкого снайперского подразделения, действовавшего

глубоко в тылу врага и получавшего приказы непосредственно от берлинского штаба. Им назначено было быть элитой, но всё вышло не так. И вот они лежат на холме в Пасвике, одни в пустынном и незнакомом месте, далеко от людей. Они уходили от русских, от финнов, от немцев и норвежцев. Беглецы в рваной одежде, которые вот-вот уснут и никогда больше не проснутся.

Не таким они себе представляли возвращение в Норвегию. Их отец служил в полиции. Оккупанты, которые при ближайшем рассмотрении оказались самыми обычными людьми, гоняющимися за собственной выгодой, быстро завоевали симпатии этого надменного и недалёкого человека. Но его сыновья страдали от всеобщего презрения и мелких издевательств, хотя никто из земляков не отваживался унижать их в открытую.

Оттар был старшим. Он хотел выдвинуться, мечтал сделать карьеру. Не приходилось сомневаться, что немцы рано или поздно покорят всю Европу, поэтому он решил встать на их сторону. А младший брат, Нильс, был тихим и домашним, и ему было всё равно, какой дорогой пойти. Он тянулся за братом. Вот так они и попали в норвежский набор элитных солдат для войск СС, что сулило быстрое продвижение по службе, деньги и почёт. Строй молодых людей, записавшихся добровольцами, чтобы внести свой вклад в борьбу Германии против большевиков, инспектировал

сам премьер-министр Видкун Квислинг. Но мама всё равно плакала.

– Тебе обязательно и Нильса с собой брать? – спрашивала мать с мольбой в голосе. – Ему ведь всего семнадцать.

Как всегда. Бедняжка Нильс, мамин любимчик. Для неё он никогда не совершал промахов, ни в чём ни разу не был виноват, никогда. И всё-таки Оттар любил братишку, который был на два года младше. Без Нильса и вербоваться бы не стоило. А уговорить брата на большое приключение было проще простого. Так уж повелось: куда Оттар, туда и он.

Поначалу всё было так, как он и расписывал брату. Путешествие в Осло, встреча с другими добровольцами, торжественная церемония на ипподроме, где присутствовал сам Генрих Гиммлер вместе с премьер-министром и другими шишками из партии «Национальное единство»*. И снова дорога – в отборочный лагерь возле австрийского города Грац. Братьев охватило такое возбуждение от приключения, что они не могли толком ни есть, ни спать. Потом был тренировочный лагерь, дух товарищества, дисциплина... Приключение продолжалось.

Но вскоре пришло разочарование. Они думали, что всех норвежских солдат соберут в одном из

* Норвежская ультраправая политическая партия, основанная Видкуном Квислингом в 1933 г.

трёх полков танковой дивизии СС «Викинг», в том, который получил название «Нордланд». Но вместо этого их разбросали кого куда, перемешав с финнами, выходцами из Восточной Европы и прочим разношёрстным сбродом.

Оттара и Нильса отправили в Польшу. Пошли бесконечные переброски, почти без боёв. Оружие и снаряжение оказались громоздкими и тяжёлыми, а кормёжка – скверной. На норвежцев и всех остальных иностранцев немецкие солдаты посматривали свысока.

Затем передислокация на север, к российской границе. Туда, где через несколько месяцев пройдёт Восточный фронт. Тем временем зима принесла с собой холода и такую безнадежность, какой братья раньше и вообразить не могли.

Нильс начал поговаривать о побеге и о том, как бы им вернуться в Норвегию. После того как разбили лагерь, он стал часто плакать. Забирался в спальный мешок и плакал – только грязные светлые вихры торчали из мешка. И глаза у Нильса стали какие-то мёртвые.

Должно быть, произошла ошибка, их приняли за финнов, и несколько человек вдруг попали в плен к русским, в том числе и братья. Они надеялись, что недоразумение разрешится, как только поймут, что они норвежцы. Но время шло, а они всё так же обретались в одной куче с другими солдатами – чехами, поляками, финнами и един-

ственным англичанином. Все попытки объяснить-ся ни к чему не привели, не помогло даже то, что на них была форма немецких солдат. Офицеры командного состава были всё время пьяны и время от времени расстреливали случайного заключённого, чтобы держать остальных в страхе.

Их отправили на север: сначала везли в открытых вагонах, затем повели пешком. Они шли по грязным дорогам в глубь страны, и того, кто падал, расстреливали без малейшего колебания. Наконец они вышли на большую равнину, где был лагерь для военнопленных – кучка сараев, обнесённых тремя рядами колючей проволоки. Там братья провели около двух месяцев, но потом пришёл приказ всех пленных ликвидировать. Бараки надлежало сжечь, сровнять с землёй. Зачем русским тратить силы на заботу о чужаках?

Угрожая оружием, пленных заставили лечь на снег, и по ним поехали танки. Оттар лежал на земле, прижав к себе Нильса.

В нескольких метрах от братьев танк остановился, забуксовав в ледяной мешанине из человеческих тел и грязи. Было уже далеко за полночь. Русские разошлись по палаткам и крепко напились. Вдруг вдали взметнулось пламя – это горели бараки с оставшимися пленными. Теми, у кого не хватило сил подняться и выйти.

После ухода русских Оттар ещё долго лежал неподвижно, чувствуя, как идущий от земли хо-

лод всё больше сковывает тело. Но в конце концов он решился подняться, встал на четвереньки. Никто не начал стрелять, поблизости не оказалось ни одного русского солдата. Другие пленные не шевелились, даже брат. Он поднял Нильса и пошёл, не разбирая дороги и даже не пытаясь спрятаться. Нильс был без сознания, и он то тащил его по земле, то нёс на руках. Наконец они упали в какие-то кусты и заснули.

Разбудил их свет, пробивавшийся сквозь пелену тумана. Вскоре они набрали на пустую хижину, нашли там дрова и остатки еды: не случись этого, в тундре осталось бы на два окоченевших трупа больше.

К ним медленно возвращались силы. В хижине они пробыли несколько дней, Оттар точно не знал сколько. Они ели прогорклое масло, которое нашли в узком шкафчике, и остатки чего-то, что некогда было мукой, а теперь больше напоминало чёрную крупу с жучками и прочими насекомыми. Они ели коренья, траву и листья – всё, что только могли найти.

Пришёл день, когда братья достаточно окрепли, чтобы двинуться дальше. Зима была в разгаре, и вся тундра лежала под снегом. Они старались идти, избегая больших дорог. По ночам рубили ветки и, как могли, сооружали шалаш. Но холод пробирал до костей, не давая уснуть, и они дремали, не отключаясь от горьких мыслей.

Однажды вечером братья увидели вдалеке русские войска, идущие маршем на юг. Несколько мучительных минут, окаменев от страха, они наблюдали за змеящейся линией людей, так похожих отсюда на муравьёв. После этого Оттар решил идти на северо-запад. И снова им повезло: они наткнулись на одинокую ферму, окружённую редкими деревьями. Жившие там пожилые супруги заперлись в спальне. Но они были так напуганы, а допотопное ружьишко, которым они пытались защищаться, так мало могло помочь, что меньше чем через час братья перенесли их трупы в разваливающийся сарай, а сами на несколько недель расположились в доме. Ни один из них не догадывался, что Рождество давно наступило и прошло.

Они питались жалкими запасами, которые старики заготовили на зиму, но через несколько недель еда подошла к концу, и им пришлось двигаться дальше. Решили идти к норвежской границе. Больше всего они боялись очутиться в Финляндии: языка они не знали, а драться пришлось бы с людьми, гораздо более привычными к зиме, чем они сами. Они, как могли, определяли направление: днём – по солнцу, в ясные ночи – по звёздам.

В один из дней они вышли к широкой, покрытой льдом реке и, то и дело спотыкаясь на закончивших ногах, стали перебираться на другой

берег. Ночь наступила раньше, чем они достигли его. Неподалёку они увидели палатку, в которой спали двое немецких солдат. Не думая о том, что эти люди сражаются на той же стороне, что и они сами, братья убили обоих, забрали оружие и форму, вот только годных сапог оказалась всего одна пара. Оттар отдал их Нильсу, а тот молча принял.

Но, похоже, удача от них отвернулась. День за днём они шли, избегая дорог и людей. Оттар полагал, что они уже в Норвегии. Оба смутно понимали, что их арестуют в любом случае: для норвежцев они предатели, для немецких властей – дезертиры. План братьев был таков: уйти на юг и затеряться среди своих, прикинувшись бойцами Сопротивления в бегах.

Они шли, они ползли, они мёрзли и голодали. Приграничные земли, по которым они пробирались, были пустынно. Иногда вдалеке мелькала широкая замёрзшая река. Они искали какой-нибудь дом, где можно было бы разжиться едой, но им ничего не попадалось до тех пор, пока, поднявшись на очередной холм, они не увидели небольшую церковь.

Священник из посёлка Гренсе-Якобсельв раз в месяц приходил проведать маленькую православную церковь на берегу реки, которую возвёл несколько сотен лет назад монах с Печоры,

проповедовавший саамам* по обе стороны границы.

Церковь, давно заброшенная, находилась в при-
скорбном упадке. Внутреннее помещение, без ма-
лого тридцать квадратных метров, стояло неза-
пертым. Росписи, когда-то прекрасные, выцвели
и потрескались, резные деревянные украшения
и картины побурели от времени и от печной ко-
поти – в церкви топили по-чёрному. Пахло золой
и дёгтем, а ещё чувствовался слабый запах плесе-
ни: признак гниения, начавшегося из-за того, что
выбитое окно у входа так и не застеклили.

Но в алтаре, за запертой дверью, висела драго-
ценная икона, скрытая от посторонних глаз. Более
пятидесяти лет назад церковь получила её в дар
от русской графини. Она пересекала границу в ме-
тель и заблудилась, но была спасена саамами, ко-
торые её нашли и выходили. Таким образом она по-
желала увековечить событие, которое сочла про-
явлением Божьей благодати. Священник обычно
закрывал икону шерстяным пледом, чтобы спря-
тать оклад из чистого золота, инкрустированный
жемчугом и драгоценными камнями. Икона была
написана в Москве в семидесятые годы XIX века
в старинном стиле и изображала архангела Миха-
ила верхом на коне.

* Малочисленный финно-угорский народ, коренной народ Се-
верной Европы.

Священник прекрасно понимал, что основную ценность представляет оклад, но больше волновался о том, как бы не начал шелушиться красочный слой на самой иконе. Ради сохранности иконы он регулярно навещал церковь и протапливал помещение.

Епископ, узнав о ценной иконе, попросил священника забрать её из ветхой постройки, которую нельзя даже запереть. Разумеется, он предпочёл бы, чтобы её перевезли в Киркенес, но нужно было по крайней мере спрятать икону, пока война не закончится. Однако священник бурно возражал. Икона не принадлежит норвежской церкви, говорил он, она во владении саамов-скольтов*, как и церковь, предназначенная для православной общины. Он также обратил внимание епископа на то, что в Киркенесе, кишачем немецкими солдатами, икона вряд ли будет в большей безопасности. Так что пока она оставалась в церкви под пледом.

Несмотря на тепло, шедшее от трескучего огня, который развёл в печи священник, в деревянном доме было сыро и холодно. Священник отпер алтарь, принёс оттуда плед и накинул его на плечи ребёнку. Его сыну было всего пять, и отец гордился тем, что малыш прошёл весь долгий путь от того места, где они оставили машину, и ни разу не по-

* Этническая группа саамов.

жаловался. Порывшись в большом сером мешке, он достал еду и бутылку молока.

Вдоль стен стояли простые скамьи из грубо обтёсанных брёвен. В этом священном месте уже много лет не было служб, но священник произнёс перед едой благодарственную молитву. Малыш пил молоко и улыбался отцу.

Двое мужчин не вошли, а ввалились внутрь церкви. На фоне полосы серого сумеречного света они показались священнику чёрными тенями. Они принесли с собой дуновение холодного ветра и танцующие в воздухе снежинки. Огонь в печи вдруг полыхнул и на миг осветил обшарпанные бревенчатые стены. Один из пришедших дошёл, а лучше сказать дотащил, другого до лавки. Оба тяжело на неё опустились. Исхудавшие лица перекосило от холода. Глаза у обоих были как будто мёртвые и ничего не выражали.

Священник поднялся и, не говоря ни слова, взял сына за руку и увёл в алтарь.

– Побудь здесь немного. И не выходи, пока я тебя не позову.

– Пап, здесь так холодно. – Мальчик пытался рассмотреть, что загоразживает от него отец.

– Укутайся в плед и делай, как я говорю, сынок. Мы уже скоро пойдём к машине.

Он немного постоял перед дверью, словно собираясь с духом. Вышел из алтаря и направился к пришедшим. Те пододвинули лавку к самой

печи, и от их одежды запахло кислым. Один из них снял сапоги, и священник увидел, что носков на нём нет, только обрывки тряпок, которыми тот замотал ноги.

Священник уже не раз натыкался на дезертиров, пробиравшихся с другой стороны границы. На этих форма была немецкой, и он обратился к ним по-немецки, но его перебили по-норвежски.

– Мы отстали от роты, – коротко бросил старший.

Священник знал, что норвежцы, отправившиеся на передовую, сражаются далеко на юге, на Восточном фронте. И сомневался, что успокоит парней, если подыграет им, приняв их ложь. Да и правда была слишком очевидной.

– Сбежали? – Священник не скрывал сочувствия. – Нельзя вас за это винить. Люди не должны терпеть все эти ужасы.

Тот, что помоложе, поднял на него удивительные светло-голубые глаза.

– Все остальные мертвы. Нам надо убраться подалее. Мы больше не хотим сражаться.

Священник развернул свёрток с едой и положил содержимое на лавку между ними. Вылил остатки молока из бутылки в жестяную кружку сына и протянул им.

– Вот, возьмите. Вам наверняка нужно хоть немного поесть. Мы скоро уйдём, а вы оставайтесь здесь, сколько захотите. Там у стены с другой сто-

роны есть ещё дрова. Никто сюда не приходит, так что подумайте спокойно и решите, как вам быть дальше.

Ну, вот и сказано главное. Они должны были понять, что он не будет вмешиваться в их дела.

Может, и показалось, но священник вроде бы заметил, что оба молодых человека – ну, по крайней мере, старший – чуть-чуть расслабили плечи. Лучше не знать, как долго они обходились без еды. Наверное, скоро заснут на лавке.

Но тут с долгим скрипом отворилась алтарная дверь и выглянул закутанный в плед мальчик.

– Папа?

– Мы скоро уже пойдём.

Священник метнулся к двери. Но было поздно. Золотой оклад сиял высоко на стене, подобно пламени. Те двое уставились на него и застыли.

Священник втолкнул мальчика в алтарь и закрыл за собой дверь. Поправил на нём плед. Откинул задвижку на высоком окне, слишком узком, чтобы в него мог протиснуться взрослый. Потом подсадил малыша в окно и прошептал:

– А теперь сделай, как я скажу. Беги во весь дух к Миккелю Сирме и расскажи ему, что ты видел. Знаешь, где его становище? Держись оленьих следов у реки. Меня не жди. Будь молодцом, беги быстро-быстро. Ради мамы. Тебе нужно домой к ней, понимаешь?

Не было времени придумывать историю получше.

Но сын, кажется, почувствовал, что отец по-настоящему встревожен и по непонятной причине нуждается в его помощи. Он спрыгнул на тонкий наст под стенами церкви и припустил по пологому склону вниз к закованной в лёд реке. Плед волочился за ним, но он не обращал на это внимания. Священник судорожно втянул в себя воздух и пошёл обратно к тем двоим на лавке.

Они неподвижно стояли посередине церкви и молчали. Но взгляды их были прикованы к алтарной двери. Священник как-то раз загнал в угол у себя на кухне в Гренсе-Якобсельве двух крыс. У них точно так же бегали глаза.

– Такое богатство в незапертой церкви? – заговорил тот, что помладше. Старший схватил его за руку, но ничего не сказал.

У священника сжало горло от страха. Он несколько раз кашлянул.

– Это икона. Из России. Дар этой церкви, поднесённый много лет назад одной знатной русской дамой. Она не такая уж старинная, как можно подумать, но написана в классическом стиле, который зародился ещё в XII веке. На ней есть подпись мастера, для икон это редкость.

Молодые люди по-прежнему не двигались. Младший смотрел на него, старший – на икону.

– Принести её? Хотите взглянуть поближе?

Он быстро прошёл в алтарь, пододвинул к стене лежавшую на полу колоду, встал на неё и осторож-

но снял икону с большого железного крюка. Вместе с окладом она весила добрых десять килограммов. Священник бросил быстрый взгляд в окно. Мальчик уже превратился в далёкую чёрную точку на заснеженных склонах.

Священник вынес икону из алтаря и поставил на одну из скамей, осторожно прислонив к стене. Огонь из печи высветил её полностью. Золото как будто зажило собственной жизнью, затмив убогость обстановки. С губ обоих людей сорвался вздох. Картина их словно загипнотизировала. Подавшись вперед, они гладили грязными руками драгоценные камни. Когда священник заговорил, оба вздрогнули.

– А знаете ли вы, что иконы нельзя рассматривать как обычную живопись? Что это религиозные символы?

Священнику надо было во что бы то ни стало поддерживать разговор. Молодые люди улыбнулись и что-то пробормотали, не отрывая глаз от сияния золота и разноцветных вставок, искрящихся среди молочно-белого жемчуга.

Священник кивнул, больше для себя, чем для них.

– То, на что вы сейчас смотрите, своего рода крышка для самой картины. Она, конечно, хороша – позолота, сверкающие камни. Но настоящее сокровище – согласно православной вере – находится под крышкой. Сейчас я сниму оклад и покажу вам.

Двое повернулись к нему с явной неохотой, но всё же позволили убрать золотой оклад и поставить рядом. Перед ними предстала икона.

– Это – архангел Михаил, – почтительно произнёс священник.

Образ был передан схематично и сухо, он представлял ангела с мощными белыми крыльями, облачённого в серебристую броню и белоснежные одежды, верхом на алом коне, который одним прыжком перемахивает через пылающую преисподнюю. Чело фигуры венчали корона и нимб. В одной руке всадник держал трубу, в другой – богато украшенную книгу – Евангелие. Фон был покрыт блестящим сусальным золотом, но больше него взгляд притягивали насыщенные красные цвета.

Двое снова посмотрели на оклад.

– Это ведь просто позолоченный металл и стекляшки? – спросил тот, что помладше, глядя на икону с кривой ухмылкой.

Священнику очень хотелось это подтвердить, но он справился с искушением.

– Нет, это золото. И настоящие изумруды, рубины и жемчуг. Оклад очень дорогой. Его изготовили в семидесятые годы девятнадцатого века, чтобы почтить и защитить икону. Понимаете, оклад ведь призван защищать не только и не столько саму картину, сколько окно в...

– Неужели кто-то в это верит? И что такого в картине? Как по мне, не тянет она на драгоцен-

ность. Старая и потрескавшаяся. – Старший наконец вмешался.

– Что вы, икона тоже дорого стоит. Как я уже говорил, на ней изображён архангел Михаил. Существует не так уж много русских икон с его образом. Некоторые считают, что иконописцы иногда наделяли его чертами Христа.

Увлёкшись собственным рассказом, священник наклонился и стал показывать:

– Смотрите, вот здесь, в углу, среди облаков, – маленький портретик. На этой иконе они разделены: большая фигура – это Михаил, а вот эта поменьше – Христос. Одна из обязанностей архангела Михаила – защищать души верующих от злых сил. Вот здесь и представлена борьба архангела с Сатаной. А пылающий колодец – это преисподняя.

Но молодым людям всё это было неинтересно. Они подошли почти вплотную к священнику и встали позади. Он сглотнул, но не обернулся, найдя в себе силы не подать виду, что напуган до смерти.

– А вот эта плитка, на которой мужик на коне нарисован, она тоже из золота? – Спрашивал снова младший.

– Нет, эта икона делалась по традиции. Она написана на доске, но доска тоже непростая. Её изготовили из очень дорогого дерева – кипариса. Потом на деревянную плашку нанесли несколько

слоёв грунта и уже на нём написали образ красками на основе яичного желтка. Возможно, изображение кажется вам несколько плоским и неправдоподобным?

Священник сделал ещё один шаг к лавке, но гости последовали за ним. Ему казалось, он чувствует их жаркое, влажное дыхание у себя на шее.

– Дело в том, что она и не задумывалась как произведение искусства, отображающее жизнь. Иконы писались монахами и священниками, чьи помыслы были сосредоточены на Царстве Божьем и на Благой Вести христианства. Эта икона должна была дарить надежду и утешение тем, кто борется со злом. Вам, может быть, непросто будет это увидеть, но образ представлен в обратной перспективе – другими словами, центр перспективы не на картине, а вне её – в пространстве перед картиной.

Дыхание за спиной священника сделалось хриплым и прерывистым. Он расслышал тихий лязг металла, но продолжил рассказ:

– Поэтому многие и считают, что икона – это не картина, а своего рода канал между тем, кто на неё смотрит, и Небесным градом. Что зритель погружается в икону и становится её частью. Если приглядитесь, то заметите, что взгляд архангела направлен прямо на вас.

Он сделал всё, что мог. Рассказ об иконе был довольно долгим – сын уже наверняка добрался

до становища Миккеля Сирмы и теперь в безопасности.

Священник ещё немного постоял, глядя на икону с какой-то кроткой нежностью. Краски заиграли в лучах света. Архангел Михаил смотрел с иконы прямо в глаза священника. Тот глубоко вздохнул и повернулся к своим убийцам. Лицо его озаряла тихая улыбка.
